

М. О. Меньшиков

Из писем к ближним

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-94
ББК 63.3-8

М. О. Меньшиков

Из писем к ближним / М. О. Меньшиков – М.: Книга по Требованию, 2011. – 138 с.

ISBN 978-5-4241-1697-1

Меньшиков Михаил Осипович (25.09.1859-19.09.1918), русский мыслитель, публицист и общественный деятель, ведущий сотрудник газеты “Новое время”. В своих трудах призывал русских людей к самосохранению русской нации, к отстаиванию хозяйских прав русских на своих территориях. “Мы, русские, — писал он, — долго спали, убаюканные своим могуществом и славой, — но вот ударил один гром небесный за другим, и мы проснулись и увидели себя в осаде — и извне, и изнутри. Мы видим многочисленные колонии евреев и других инородцев, постепенно захватывающих не только равноправие с нами, но и господство над нами, причем наградой за подчинение наше служит их презрение и злоба против всего русского”. Меньшиков, как и многие другие выдающиеся представители русского патриотического движения, не был против культурного самоопределения народов России на их исторических территориях, но выступал решительно против захвата представителями этих народов хозяйских прав на этнических русских территориях. Он высказывал общую для многих русских патриотов позицию самосохранения нации — “долой пришельцев”. “Если они хотят оставаться евреями, поляками, латышами и т. д. на нашем народном теле, то долой их, и чем скорее, тем лучше... Допуская иноплеменников как иностранцев... мы вовсе не хотим быть подстилкой для целого рода

ISBN 978-5-4241-1697-1

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Меньшиков Михаил Осипович
Из писем к ближним

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЕННОЙ МЫСЛИ

М. О. Меньшиков

ИЗ ПИСЕМ К БЛИЖНИМ

Усилиями целой когорты публицистов определенного толка понятия "национальное" и "патриотическое" применительно к великой нации стали ругательными. Какими мыслями жили русские "националисты" начала века? Какие цели перед собой ставили? Насколько интернационалистским был сам их национализм? Во всем этом разобраться помогут публикуемые впервые за годы Советской власти статьи русского отставного штабс-капитана, известного журналиста М. О. Меньшикова, расстрелянного в 1918 году.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

1902 год

О ЗДОРОВИИ НАРОДНОМ

ВСЕМИРНЫЙ СОЮЗ

ЗАМКНУТОЕ ГОСУДАРСТВО

НА ТУ ЖЕ ТЕМУ

НА ВЕЛИКОЙ СТРАЖЕ

1905 год

БЛАГОДАРНОСТЬ

ГДЕ СТРОИТЬ ФЛОТ?

1908 год

ПАМЯТИ СВЯТОГО ПАСТЫРЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ОТЦА ИОАННА

1909 год

МОЛОДЕЖЬ И АРМИЯ

1910 год

ВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА

МОЖЕТ ЛИ РОССИЯ ВОЕВАТЬ?

МАНИЛОВЩИНА В АРМИИ

1911 год

ХОРОШО ЛИ СТРЕЛЯЕТ АРМИЯ?

1914 год

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЪЕЗД

ГНЕВ ГОСПОДЕН

ИСТИННО КУЛЬТУРНОЕ ВЕДОМСТВО

ДЕЛО НАЦИИ

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ

ВОЙНА И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

ИНВАЛИДНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

1915 год

ОПАСНОЕ СОСЕДСТВО

СИЛЬНЫЕ ЛЮДИ

МУЗЕЙ ВОЙНЫ

НАКОПЛЕНИЕ И УДАР

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Искать аналогии в истории - дело сложное, подчас опасное, но совершенно

необходимое. Ну хотя бы для того, чтобы не повторять ошибок предков. Опасно же это дело потому, что далеко не всем по душе отказ от ранее приклеенных ярлыков, которыми изобиловало то, что осталось нам взамен истинной новейшей истории России.

И вот в наши дни появилась некоторая надежда на реставрацию этой истории. Но сама история - это сумма судеб миллионов и миллионов людей, многие из которых, в свое время весьма известные, теперь оказались забытыми, а то и оклеветанными. Реставрировать историю - значит восстановить память о них.

Одним из таких людей был русский публицист, отставной флотский офицер Михаил Осипович Меньшиков. Почему же нам представляется вполне целесообразным познакомить современного читателя с его творческим наследием? Да потому, что началом всех начал для Михаила Осиповича были государственность, нация, отечество, то есть те самые понятия, которые священны, должны быть священными, для каждого гражданина, и прежде всего для воинов, защитников земли своей во все времена. Те самые понятия которые подвергаются особо ожесточенным атакам в периоды социальной нестабильности с обычной целью - разьединить, растащить, поживиться. Думается, что сегодня будет вполне уместно обратиться еще раз к мыслям об отечестве, духовности и нравственности нации, армии.

Составитель и автор предисловия, по профессии не литератор, не историк, позволил себе опираться на мнения и использовать статьи специалистов в области литературоведения и истории М. Лобанова, П. Горелова, А. Гумерова, А. Каплина и других (разумеется, их любезного согласия). Надеюсь, что это повысит компетентность оценок и их объективность, в отсутствие которой автора сих строк могут обвинить как прямого потомка Меньшикова. Но ведь любому потомку не возбраняется по призыву революционного поэта "словарей проверить поплавки". Тем более что, говоря о Меньшикове, послереволюционные словари высказывались весьма бранчливо и лживо, в последнее же время и вовсе перестали вспоминать о нем. А в дни потрясений 1917-1918 годов, после сугубо неверного, произнесенного одним из вождей революции определения-ярлыка "верный пес царской черной сотни" логичным и трагическим продолжением было свинцовое многоточие, прошившее сердце журналиста при его расстреле без суда и следствия 20 сентября 1918 года на берегу Валдайского озера, среди бела дня, почти на глазах у перепуганных "валдашей" и шестерых малолетних детей М. О. Меньшикова... По свидетельству очевидцев, Михаил Осипович перед смертью молился на Иверский монастырь, хорошо видный с места расстрела.

Он очень любил Валдай, Валдайское озеро, дивный Иверский монастырь за озером, обретал здесь покой, счастье в своих самозабвенно любимых детях, великую радость общения со своими родными, близкими, с друзьями, навещавшими его в Валдае. Валдайский дом Меньшиков купил в 1913 году как дачу. Сюда он приезжал с семьей каждое лето.

В начале 1917 года Меньшиков был фактически отстранен от работы в "Новом времени". Наследники А. С. Суворина -издателя крупнейшей газеты после его смерти стали распределять наследство - газету случайным для русской журналистики людям. Тогда впервые Меньшиковы остались в Валдае на зиму 1917/18 года.

В 20-е годы овдовевшая в одночасье Мария Владимировна Меньшикова с

невыразимыми трудностями поднимала детей на ноги.

* * *

М. О. Меньшиков родился 25 сентября по старому (6 октября по новому) стилю 1859 года в городе Новоржеве Псковской губернии, сравнительно недалеко от Валдая. Его отец, Осип Семенович Меньшиков, имел низший гражданский чин коллежского регистратора, а родом был из семьи сельского священника. Мать, Ольга Андреевна, в девичестве Шишкина, была дочерью потомственного, но обедневшего дворянина, владельца небольшого селца Юшково Опочецкого уезда. Жили Меньшиковы бедно, часто нуждаясь в самом необходимом. Снимали квартиру у домовладельцев Никитиных. Однако благодаря хозяйственности и недюжинному уму Ольги Андреевны кое-как сводили концы с концами. Мать несла все семейные тяготы, занималась, как могла, воспитанием детей. От избытка ли забот или по складу характера она была женщиной несколько нелюдимой, но не лишенной чувствительности и поэтического вкуса.

Осип Семенович, хотя и был умен, начитан, но жизнь вел беспечную. Он был на семь лет моложе жены.

Оба родителя были религиозны, очень любили природу.

В 1864 году Ольга Андреевна купила за 40 рублей крестьянскую избу с огородом. Вот в этой избе с большой русской печью, земляным полом, рублеными стенами и прошло Мишино сознательное детство. Он сохранил до мученической своей смерти воспоминания об этом времени, и радостные, а больше печальные. Невзгоды не покидали семью, Ольга Андреевна с трудом справлялась со всеми домашними хлопотами. Но были и добрые длинные вечера, когда за окном стояла осенняя непогода или бушевала снежная вьюга, дети забирались на теплую печку, тушили лампу, чтобы не тратить дорогой керосин, и все вместе с отцом и матерью долго пели любимые песни. Кончались эти вечера пением молитвы "Слава в Вышних Богу".

На шестом году Миша начал учиться. Учила его Ольга Андреевна сама. Воспитание детей Меньшиковых было проникнуто чрезвычайной религиозностью. Позднее Миша Меньшиков был отдан в Опочецкое уездное училище, которое окончил в 1873 году. В том же году при помощи дальнего родственника он поступает в Кронштадтское морское техническое училище.

После окончания морского училища молодой флотский офицер пишет письмо своему покровителю. Вот текст этого письма с некоторыми сокращениями:

"Считаю долгом сообщить Вам, что закончил курс в Техническом училище и 18 апреля (1878 года) произведен в 1-й военно-морской чин по нашему корпусу (в кондукторы корпуса флотских штурманов). Экзамены я выдержал порядочно: по 10 предметам я получил 12 баллов. 30 числа я был назначен на броненосный фрегат "Князь Пожарский", а 2 мая фрегат распрощался с Кронштадтом и ушел неизвестно куда и неизвестно на сколько времени. Секрет. Мы были в Дании, в Норвегии и теперь во Франции. Я получаю 108 рублей 50 коп. золотом в месяц. Это дает мне возможность, кроме своих прямых обязательств тратить несколько денег на осмотр чужих городов и примечательностей. Таким образом я теперь в Париже, осматриваю всемирную выставку. Итак я, видимо, вступил на новую дорогу... Все это явилось последствием Ваших хлопот".

Склонность к литературе М. Меньшиков проявил очень рано. Еще в середине

семидесятых годов по его инициативе в Кронштадте выходил ученический журнал "Неделя". В 1883 году после плаваний и возвращения в Кронштадт Меньшиков познакомился и подружился с С. Я. Надсоном, который был моложе его на три года. Но это был первый профессиональный, к тому времени уже широко известный, писатель-поэт, который высоко оценил талант молодого офицера, новичка в литературе. Будучи уже безнадежно больным, Надсон приветливым словом и добрыми рекомендациями помогал Меньшикову. Вот выдержка из его письма, датированного 1885 годом: "Я зол на Вас за то, что Вы не верите в себя, в свой талант. Даже письмо Ваше художественно. Пишите - ибо это есть Ваша доля на земле. Жду томов от Вас..."

После окончания Кронштадтского училища и участия в нескольких дальних морских экспедициях Меньшиков получил звание инженера-гидрографа. В те годы он написал и опубликовал очерки "По портам Европы" (1884), специальные работы "Руководство к чтению морских карт русских и иностранных" (1891), "Лодии Абоских и восточной части Аландских шхер" (1898) и др.

В те же годы он начал заниматься и чисто журналистской деятельностью в "Кронштадтском вестнике", "Голосе", "Петербургских ведомостях" и, наконец, в газете "Неделя". В 1892 году, окончательно осознав свое призвание, он выходит в отставку в чине штабс-капитана и становится постоянным корреспондентом, затем секретарем и ведущим литературным критиком и публицистом газеты и ее приложений. С сентября 1900 года фактически заведовал "Неделей". Помимо "Недели" активно сотрудничал в газете "Русь", журнале "Русская мысль" и др.

Последнее десятилетие XIX века для Меньшикова ознаменовано тем, что, войдя в литературный мир, он привлекает внимание читателей своими статьями и знакомится с многими знаменитыми писателями. Так, 24 декабря 1892 года Меньшиков записывает в дневнике: "Вчера Лесков сообщил, что Л. Толстой меня знает и любит, доволен моими статьями и желал бы со мной познакомиться. Отчего вы не съездите? Нельзя, не видав океана, иметь о нем представление. Непременно съездите. - Обещал условиться с молодым Толстым (Львом Львовичем); когда он зайдет, чтобы встретиться вместе и он познакомит меня с ним". А вот запись от 30 мая 1893 года: "Эти два дня хожу в каком-то странном, небывалом настроении после письма Лескова, или точнее писем его от 16 и 27 мая (ст. ст.). В них он называет мои статьи не только превосходными и пр. и пр., но категорически говорит о "сочувствии и радости" по поводу "силы и роста вашего серьезного ума и его благородного направления", о "благородной и смелой правде", "искренняя радость за то дарование, которое вы принесли с собою в мир" и пр. и даже "ваших прекрасных статей, доставляющих мне большое и чистое удовольствие. Я уверен, что не преувеличиваю ваших литературных сил, хотя и имею к ним давнюю любовь и пристрастие. Вы умны, деловиты и хорошо настроены и притом у вас есть опыт".

Дождался, наконец, что не кто-нибудь, а очень крупные писатели говорят мне такие вещи. Боже, не оставь меня!.."

В июле 1893 года Меньшиков гостил у Лескова в Меррекуле, где читали рукопись Толстого "Царство Божие внутри нас". В тот же день Лесков писал Толстому: "Замечаний важных или даже интересных по оригинальности я не слышал ни от кого. Самое веское, что довелось слышать в этом, исходило от очень умного Меньшикова, которого Вы знаете и, как я слышал от Льва Львовича,

признаете за человека, одаренного большими критическими способностями (что так и есть)".

В январе 1894 года Меньшиков был приглашен в дом Толстого в Москве. Толстой записал в дневнике: "Познакомился... с Волкенштейном и Меньшиковым: оба хорошие, добрые, умные последователи - особенно Меньшиков".

Отношения Меньшикова с Толстым, продолжавшиеся практически до конца жизни последнего, за пятнадцать с лишним лет претерпели существенные изменения. Сначала Меньшиков сам причислял себя к "толстовцам", помогал Толстому в организации помощи голодающим (1898 г.), выполнял его издательские поручения. Затем, когда философия, общественные позиции Толстого стали изменяться все более и более в сторону конфронтации с интересами государства, церкви, армии, Меньшиков не принял этих метаморфоз и считал своим долгом резко полемизировать с Толстым и окружавшими его "последователями". Однако Меньшиков всегда преклонялся перед гением Толстого-художника, любил его как великого и глубоко несчастного человека.

В самом конце 1891 года Меньшиков познакомился с Антоном Павловичем Чеховым.

Они были почти ровесниками. Меньшиков тогда еще носил морскую форму, и Чехов звал его "Морячок". Отношениям Меньшикова и Чехова, отличавшимся порою особенной теплотой, также суждено было продлиться до последних лет короткой жизни Чехова. За годы их знакомства они отправили друг другу примерно по полусотне писем. Письма Чехова к Меньшикову не раз публиковались в полных собраниях сочинений писателя. Письма Меньшикова хранятся в архивах.

Незадолго до своей смерти, в сентябре 1918 года, Меньшиков пишет в дневнике: "Никого я так не любил в жизни, как Толстого и Чехова..."

На рубеже веков "Неделя" прекратила свое существование. Сотрудники издательства должны были искать новую работу. Так получилось, что Меньшиков после некоторых колебаний связал свою судьбу с газетой Алексея Сергеевича Суворина "Новое время", где, как известно, сотрудничали и Антон Чехов, и его старший брат Александр, и популярный тогда и сейчас В. В. Розанов, и многие другие известные журналисты и писатели.

Меньшиков был ведущим публицистом "Нового времени" с 1901 по 1917 год. Он вел в газете рубрику "Письма к ближним", публикуя еженедельно по две-три статьи, не считая больших воскресных фельетонов (так назывались тогда особенно острые, порою весьма серьезные материалы на темы дня). Меньшиков комплектовал затем свои статьи и фельетоны из рубрики "Письма к ближним" и выпускал их отдельными ежемесячными журнально-дневниковыми книжками.

Проблематика, глубоко исследованная Меньшиковым в "Письмах к ближним", поистине необозрима. Меньшиков обращался к широкому кругу духовно-нравственных, культурных, социальных, политических, бытовых и других вопросов. Характер выступлений определялся его общественно-политическим идеалом, который окончательно сложился в начале 90-х годов: крепкая власть с парламентским представительством и определенными конституционными свободами, способная защищать традиционные ценности России и оздоровить народную жизнь. Будучи одним из создателей "Всероссийского национального союза" (не путать с "Союзом русского народа"!), как это делают иногда недобро-

совестные или некомпетентные историки. - М. П.), в ряде статей Меньшиков сформулировал его цели: "...восстановление русской национальности не только как главенствующей, но и государственно-творческой". Отвергая деятельность революционных организаций как партий "русской смуты", Меньшиков одновременно выступал и против черносотенных групп с их ретроградной борьбой против обновления России. Много писал он о воинствующем политико-экономическом антирусском движении и о влиятельных в этом смысле доморощенных, а чаще пришлых революционерах-бунтовщиках, и о "желтой" прессе, вилиющей от ультраконсерватизма до революционных призывов, и о богатых евреях-промышленниках, связанных с сионистскими кругами, с американским и европейским крупным капиталом. Он видел взаимную поддержку этих, для отвода глаз враждующих, сил и обвинял их в постепенном "внутреннем завоевании" России. Меньшиков неоднократно писал о народных нуждах: народном здоровье, пьянстве, преодолении бедности, сельском благоустройстве и т.д. и т.п.

Именно Меньшиков-нововременец подвергался самым ожесточенным нападениям в прессе. Чтобы понять всю степень ожесточенности нападков на него, необходимо иметь в виду, чем было "Новое время" для России и, следовательно, кем был для России человек, в течение 16 лет публиковавший в такой газете свои "Письма к ближним". В. В. Розанов писал: "Было впечатление, как бы других газет не было. ...Голос всех других газет притом довольно читаемых - был до того глух в России, до того на них всех, кроме одного "Нового времени", не обращал никто внимания - не считались с ними, не отвечали им, не боялись их ругани и угроз и, увы, не радовались их похвалам и одобрениям, как бы они все печатались на "гектографе" и вообще домашним способом... как ученические школьные журнальчики. На много лет, на десятки лет - "Новое время" сделало неслышным ничей голос, кроме своего".

И еще одна поясняющая цитата: "Мне кажется, что великое дело "Нового времени" основывается на том, что в России рассматривали, и давно рассматривали, что это есть единственная газета собственно русская, не с "финляндским оттенком", не с "польским оттенком", не, особенно, с "еврейским оттенком", а своя, русская: и все нормально русские, просто русские, держатся ее, потому что иначе, взяв в руки другую газету, они, собственно, потеряли бы нечто в "русском в себе", а они этого - не хотят".

В своих статьях М. О. Меньшиков настойчиво утверждал, что народ должен управлять чиновниками, а не они им. С фактами в руках о казнокрадстве, погоне за чинами, безответственности, тупости, трусости, а то и прямой государственной, народной измене чиновников всех рангов он показывал смертельную опасность бюрократизма для России. "Наша бюрократия... свела историческую силу нации на нет".

По первым симптомам брожения в обществе Меньшикову стало понятно, что "революция и реакция одинаково не брезгливы" и что "серьезных, идейных, благородных революционеров всегда немного", а "заправилы "красной партии", которые последовательнее всего после иезуитов использовали лозунг "цель оправдывает средства", прибегают для захвата власти в стране не только к открытому террору, но и к преступлению во всех его разнообразных видах". Из этого следовал вывод: "оба крайние насилия - красное и черное - суть силы мертвые, несущие за собой смерть". Однако, по мнению Меньшикова, положение

не было безвыходным, не надо было лишь ничего навязывать стране насильственным, "нужно представить форму правления той духовной сущности, что сложилась в данный момент".

М. О. Меньшиков был не против революции, но за революцию мирную, не отрывающую крестьянина от земли. И тем не менее он многих весьма часто раздражал: одних - мнимой революционностью; других - пугающим консерватизмом; третьих - гибкой, диалектической оценкой событий; четвертых - редким достоинством говорить обо всем смело, открыто, называть вещи своими именами. И почти никого не устраивал - последовательной патриотической программой, в центре которой была боль за Россию, защита интересов русского народа, его духовности, традиций, языка, национального самосознания, это, пожалуй, и было главной причиной неприятия со стороны тех, кому все это было чуждо, а иногда и ненавистно.

Это мы сейчас взяли цитировать А. И. Солженицына: "труднее всего про-черчивать среднюю линию общественного развития" и далее, что именно она "требует самого большого самообладания, самого твердого мужества, самого расчетливого терпения, самого точного знания". А Михаил Осипович Меньшиков вот как об этом говорил еще в 1906 году: "По самой природе философской мысли ей всегда приходится сражаться на два фронта против крайностей утверждения и отрицания, которые одинаково ведут к абсурду. Честной политической мысли приходится всегда бороться с теми же логическими опасностями. Возьмите частный случай - "политику момента". Не я один, надеюсь, огромное большинство здравомыслящих людей искренне думают, что для России одинаково опасна - как реакция, так и революция. Если разоблачаешь ложь справа, это не значит, что присоединяешься к лжи слева. А у нас установился со странным упорством именно этот глупый взгляд: если вы против революции, значит за реакцию, если против реакции, значит за революцию". Так кто же он был по своим политическим воззрениям? Ясно, что М. О. Меньшиков революционером не был, как не был в полной мере и консерватором. Хотя качества первого (меньше) и второго (больше) в его деятельности просматриваются очевидно. Необходимо заметить, что консерватизм М. О. Меньшикова - консерватизм спасительный, то есть отстаиваются основания, с разрушением которых стремительно убывает органическая национальная жизнь.

Человек, считающий высшим законом всякой государственности здравый смысл, признаком истинно государственной политики - реальное дело, а основой государственности - здоровый труд народный; тот, кто тем самым обличал самые пышно обставленные демагогические прожекты, политическую спекуляцию, корыстный интерес групп и группок, выдаваемый за многовековые чаяния народа или за веления времени, был неудобен, мешал, и неприятие многократно умножалось тем, что отстаивал он свои убеждения с блеском, умом, талантом, неустрашимостью.

Меньшиков понимал - "погибающее государство не спасут ни пышные парламентские фразы, ни триумфы, ни салюты. Единственно, что может спасти его, - это трудовая лямка, то есть производительный, культурный труд". И ради пропаганды такого труда он не жалел ни сил, ни времени. Михаил Осипович убеждал: погибнет крестьянский двор - погибнет государство. Ведь, по его мнению, крестьянский двор - это маленькая Россия, микрокосм, имеющий те же основные

признаки, что и государство.

Да, известнейший литературный критик и политический писатель, так высоко отмеченный классиками, вел репортаж с выставки крупного рогатого скота, писал о козоводстве, о самых обыденных заботах крестьянства и казачества, выступал популяризатором новых научных идей, ратовал за их скорейшее внедрение в народное хозяйство, старался пропагандировать и лучшее из мирового опыта, в том числе и американского.

Дело доходило до курьезов, но вовсе не смешных, и нам полезно вспомнить один из них. Л. Троцкий, полемизируя в "Киевской мысли" (1913 г.) с "Новым временем", критикует М. О. Меньшикова за то, что его статья "Две культуры" "целиком направлена к возвеличиванию культуры североамериканской республики за счет нашей собственной национальной культуры". Итак, поборник всемирной революции критикует человека, на котором к этому времени уже давно висел (помимо прочих) ярлык националиста-"черносотенца" "...за возвеличивание чужой культуры за счет "нашей". Парадокс? Обыкновение того и последующих времен. Но как же сам Л. Троцкий понимал ценности "нашей" культуры, которую взялся защищать? Обратимся к его статье "Лев Толстой" (1908 г.): "Как жалка, в сущности, эта старая Россия со своим обделенным историей дворянством - без красивого сословного прошлого, без крестовых походов, без рыцарской любви и рыцарских турниров, даже без романтических грабежей на большой дороге; как нищ внутреннею красотою, как беспощадно ограблен сплошной, полузоологический быт ее крестьянских масс".

Что сказать лицемерному "жалетелю" и современным его последователям громителям "патриархальщины"? - Было и "красивое сословное прошлое". Было рыцарство - казачество. Об этом не одну статью написал Меньшиков, видя в исподволь проводившемся уже тогда расказачивании падение одного из оплотов русской государственности. Что касается недостатка "романтических грабежей", то подразверстки, гражданская война, в которой так лихо, так людоедски показали себя Л. Троцкий и другие, затем раскулачивание с лихвой восполнили возмозный "недостаток". Были в истории русской и крестовые походы, но не наши, а на нас, и в избытке (Мамай, Наполеон, Гитлер и т.п.). Мы много раз имели неприятное, может быть для некоторых, да и для нас, весьма тяжкое, но все-таки удовольствие пресекать эти походы. Различнейших алчных захватчиков, напирющих извне, исправно гнали взашей. И, наконец, о внутренних неурядицах и поражениях России, о "нищете внутренней красотою" и о "полузоологическом быте крестьянских масс". Действительно, в ту пору, провозглашая вслед за Лениным и Луначарским здравницы "классовому пролетарскому культурному строительству", многие злорадствовали, замечая упадок крестьянской (христианской!) тысячелетней культуры, и всеми силами способствовали расширению и углублению разрушительного процесса, полному развалу крестьянства, да и всей России в целом. Так, Н. Бухарин в своих "Злых замечках" спустя 19 лет лишь развивал злобу Л. Троцкого, находя в России только рабское прошлое, "изобилие дураков", "дряблость", "неуважение к труду" (перечень подобных характеристик своей Родины, своего народа у "любимца партии", главного в 20-е годы ее идеолога, велик и разнообразен). Создав из сложнейшей судьбы народов (или тогдашнему - "масс") России примитивный образ "клячи истории", эти новоявленные господа положения видели и ревностно исполняли одну лишь цель -